

Евгений Панов

Собрание умов

Научно-публицистические
очерки

Евгений Панов
**Собирание умов. Научно-
публицистические очерки**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22758718
ISBN 9785448354441*

Аннотация

Современная проза – это не только художественная литература. Это еще и публицистика. Она отвоевывает все больше внимания, ее все охотнее читают наши современники. Секрет прост: публицистика обращена и к сердцу, и к уму человека, адресована человеку как целостному существу. И в этом – одно из ее главных достоинств!

Содержание

О, русская земля! ты уже за холмом?..	5
Реформы по совести	5
Реформы в потёмках	25
Собирание умов	42
Пристанище на Дербеневской	42
Интеллект – модернизация – развитие	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Собрание умов
Научно-
публицистические очерки
Евгений Панов

© Евгений Панов, 2017

ISBN 978-5-4483-5444-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О, русская земля! ты уже за холмом?..

Реформы по совести

Весь исторический путь России усеян обломками несостоявшихся реформ. Так может быть, страна принципиально не поддается преобразованиям? Или поддается не всяким? Рыночным, например, не поддается, поэтому в России так и не появился средний класс в западном понимании. Что ж, мы другие, у нас, по сути, до XX века, до появления машинных технологий, резко повышающих производительность труда, не было условий для развития рынка.

Какие же из попыток улучшить или просто изменить российскую действительность следует считать реформами в истинном смысле слова? Над этими, всегда актуальными для страны вопросами бились лучшие умы нации. Они, что очень важно, не ограничивали реформы политическими или экономическими переменами. Речь шла о несравненно большем – реформах жизни, реформах бытия. На них акцентировали внимание такие выдающиеся русские философы, как Николай Бердяев и Семен Франк. Реформы бытия, в формулировке Франка, – это повышение его уровня, обога-

щение новыми благами. Реформа жизни, полагал философ, оправдана тогда, когда она вводит в мир более идеальный порядок, отменяет вопиющие несправедливости, уничтожает нестерпимый беспорядок, восстанавливает разладившееся общественное равновесие, спасает от какого-то мучительного бедствия.

Связь между реформами и всеобщим благом мыслилась прямая. У нас эта связь разорвана. Реформы есть, а блага нет. Процессы, идущие у нас с 1985 года, не спасли страну от бедствий, не привели к восстановлению общественного равновесия, не устранили нестерпимого беспорядка и не ввели идеального порядка. Наоборот! Страну поставили на службу немногим. Хорошо это или плохо не для этих немногих, а для страны в целом? Ответ однозначен. Его дал тот же Запад, на который готовы молиться эти немногие. При всей святости личного интереса, государственный, национальный интерес там всегда ставится выше, без этого и личного не обеспечить. Его не обеспечить и тогда, когда человек лишен достоинства. А именно достоинство сегодня у большинства россиян украдено.

Реформа жизни, реформа бытия не состоялась. Не достигнута также ни одна из провозглашенных локальных целей. Почему? Не потому ли, что, говоря словами Чехова, внимательный наблюдатель не смог бы обнаружить в нынешних преобразованиях того, что называется общей идеей или Богом живого человека? Вот главное: процессы, инициирован-

ные Михаилом Горбачевым, продолженные Борисом Ельциным и продолжаемые Владимиром Путиным, должны иметь идею. При всем желании ею нельзя считать переход к рыночным отношениям или обретение свободы. Свобода, как известно, абсолютной не бывает, к тому же важнее *«свобода для»*, а не *«свобода от»*. Когда целью реформ провозглашается приватизация, реструктуризация экономики, создание класса собственников, пусть даже построение капитализма, хочется спросить: и это все?! Но, господа, рынок, да и самое демократия – всего лишь средство, используемое, к тому же, под контролем государства. Оно должно ограничивать хозяйственную свободу там, где свобода приводит к недопустимой эксплуатации слабых сильными. Государство с помощью принудительных мер обязано защищать бедных, имущественно слабых, налагать запрет на действия и отношения, которые оно считает недопустимыми с точки зрения социальной справедливости.

Так полагали русские философы. Отнюдь, заметим, не социалисты. Наоборот, они считали социализм замыслом принудительного осуществления правды и братства между людьми, который прямо противоречит христианскому сознанию свободного братства во Христе. И тем не менее именно государство должно обеспечивать высшую цель реформ – повышение уровня бытия, обогащение его новыми благами. Именно государство обязано поддерживать социальную справедливость реформ. Справедливость – непре-

менное условие, обязательное требование. По тому, достигнута справедливость или нет, судят о нравственности реформ. Справедливость и нравственность – высший критерий их успешности. Безнравственные, аморальные реформы – неудачны.

Значит, обеспечивая справедливость реформ, государство становится нравственным арбитром. И как бы сегодня это ни звучало, носителем высшей морали. Сегодня, что и говорить, это звучит странно. Результаты почти двух десятилетий реформ в России несправедливы и аморальны. Разве справедлив, нравствен переход значительной части национального богатства, стратегических ресурсов страны под контроль узкого круга лиц и обнищание большей части населения? Несправедлив и совершенно безнравствен.

Нужны ли другие примеры, хотя их более чем достаточно? Нет, один этот дает основания для вывода об аморальности самого государства, то есть, власти, еще точнее – об аморальности людей у власти, властей предрежащих, чиновников, бюрократов. Приходится говорить уже не о «классической» коррупции, которой в разной степени поражены все демократии, а о настоящей криминализации власти. По данным зарубежных исследований, наибольший уровень криминализации власти был характерен для 1998 года. Еще немного, и наступил бы необратимый коллапс системы управления страной и начался бы распад общества. В последующие годы уровень криминализации власти несколько снизился,

но критическая черта по-прежнему близка.

Так стоит ли удивляться, что Запад не любит и боится нас, что даже в дни беды ведет себя по отношению к России прагматично и жестко, требуя «объяснений» по поводу гибели детей от рук террористов? Мы ведь и сами себя не любим, называя «этой страной». Не потому ли, что государство, страна отобрали у нас достоинство? «Человек проходит как хозяин» могут сказать сейчас о себе очень немногие лица. Но они-то как раз и не связывают свой личный интерес с национальным интересом. Им что «та страна», что «эта». Родина для них место, где стоит их вилла.

Россия имеет славное прошлое, возможно, ее ждет светлое будущее, но ее настоящее никого не устраивает. «Так жить нельзя!» – провозглашали апологеты реформ 15 лет назад. «Так жить нельзя!» – провозглашают они ныне, всячески торопя продолжение либеральных перемен. «Так жить нельзя», чешет в затылке народ. Реформы ему жизненно необходимы, необходимы больше, нежели либералам, уже отхватившим от общего пирога, но те ли, что предлагают либералы? Народ напуган приватизацией и акционированием, проводившемся с помощью ОМОНа. Народ боится, и не без оснований, что бойцы в камуфляже и масках, нанятые враждующими латифундистами, устроят войну на бывших колхозных полях или, не дай Бог, магнаты втянут в свои разборки целые регулярные армии. Так жить и вправду нельзя. А как можно и нужно, чтобы земля не зарастала бурья-

ном, как сейчас? Отдать ее, наконец, крестьянам? Хорошо. Но каким именно крестьянам? Ветхим старикам и старухам, оставшимся в обезлюдевших деревнях? Дайте им наделы, и на завтра нагрянут скупщики земли. Как явились некогда скупщики икон и сгребли за бесценок древние доски.

Земля всегда была в России не только сельскохозяйственными угодьями. Земля – это Мать сыра-земля, родная земля. Русская земля. В «Слове о полку Игореве» Русская земля – синоним самой Руси, Родины. Рать Игоря «полегоша за землю Русскую». Умереть за нее было честью, и она обильно полита русской кровью. Ее отбивали у кочевников с Востока, у тевтонцев, у ливонцев, у поляков, у шведов, у французов, у немцев. Это объект почти сакральный.

Земли для российского государства постепенно приобретались усилиями Ермака, Дежнева, Хабарова. Об этом одним из первых написал сосланный в Сибирь Радищев. Приобретение – его слово. Не покорение, не завоевание, не колонизация – приобретение. Но не для себя, не в частную собственность. Никому из казаков-первопроходцев и в голову не приходило застолбить участок на Енисее, Лене или Амуре. Приобретенные земли не давали сиюминутной отдачи, поэтому походы пионеров не имели видимого экономического смысла. Смысл, и то не просто экономический, становится виден лишь теперь. Громадные пространственные резервы Сибири, Севера и Дальнего Востока были стратегическим ресурсом на будущее.

Не считите за патетику, но эти приобретенные предками земли оставлены нам не для того, чтобы безропотно уступить их олигархическим кланам или подпольным латифундистам. Не для них, ей Богу, старался первопроходец Семен Дежнев, обогнувший Чукотку и открывший пролив между Азией и Америкой. «И носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюду неволено и выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек...» Под конец осталось двенадцать – нагих и босых, без воды и без пищи, без тепла и пристанища, и это в Арктике! Чукчи («чухочьи люди») настроены враждебно, посланные на берег разведчики пропадают без следа, самого Дежнева ранило стрелой чуть не до смерти... Но – ни шагу назад, только вперед!

Не говоря уж об этической стороне дела, экономический смысл перехода российских земель в руки капиталистов совсем неочевиден. Да, мировой, опыт подводит к мысли, что самым эффективным является крупное сельскохозяйственное производство при частной собственности на землю. В Чехии правительство роздало треть земель мелким производителям и ошиблось. Даже в США правительство отказало в поддержке 200 тысячам фермеров, зато в 50 тысяч крупных производств вкладывают деньги... Казалось бы, правда на стороне латифундистов, земельных магнатов, слой которых, если верить честным аналитикам, активно формируется в России. Но именно здесь, как это ни раз бывало,

хорошие чужие рецепты могут привести к плохим результатам. Зацветет ли земля у российских латифундистов? У новых фермеров она не зацвела, ибо не произошло и не произойдет ничего такого, что заставит ее родить вдвое и втрое.

Мы не Германия, не Америка – климат другой, почвы другие. Даже в одном из самых продуктивных российских регионов – Воронежской области, на лучших в мире черноземах прирост биомассы вдвое ниже, чем в среднем по Европе и в 3—4 раза ниже, чем в Америке. Только 5 процентов российских земель сравнимы по плодородию с американскими. У нас теплый период в средней полосе продолжается немногим больше 100 дней. В Германии он равен 195 дням, во Франции – 245, в Соединенных Штатах – 285 дням. Поэтому для получения сопоставимых с европейскими урожаев в нашу землю надо вкладывать труда и инвестиций в несколько раз больше, нежели в Европе. Потребность в том и в другом намного превышает возможности латифундистов. А следовательно, без участия государства им землю не поднять. Расчет на инвестиции из-за рубежа – утопия, они могут иметь лишь частное, локальное, но не всеобщее значение. Именно государству придется брать на себя бремя природных рисков, компенсировать производителям потери.

Поэтому переход земли в частные руки и запуск ее в свободный оборот не решает продовольственных проблем страны. Чтобы решить их на наших почвах, в нашем климате,

необходимы технологии принципиально иного уровня. Пока они не созданы. Так что в России не совсем корректно подходить к земле с критериями экономической эффективности. Тут необходимы совсем иные критерии – **критерии национальной безопасности.**

С другой стороны, земля – материальная база земледелия и сельскохозяйственного производства, объект экономических отношений, в том числе, разумеется, отношений собственности, которые никто не запрещает реформировать. Так-то оно так, но божественный план Русской земли бросает отблеск на ее хозяйственную ипостась. С землей нельзя поступить непродуманно, наспех, несправедливо. Земля слишком много значит для страны и для народа. Понятное опасение совершить непоправимую ошибку всегда связывало руки реформаторам. На них давил груз неимоверной, сверхчеловеческой ответственности. Самого лучшего, самого справедливого пути они не ведали. Не знали, что будет для России благом, а что – злом. И – отступали, так и не начав реформ или не доведя их до конца. Так что не случайно весь исторический путь России усеян обломками несостоявшихся реформ. Не случайно приходит мысль что страна не поддается преобразованиям... Или поддается, но не всяким.

Возможно, она откликнулась бы на замыслы реформ, начавшихся после февральской революции 1917 года. Тогда создавались Особые земельные комитеты, поддерживавшие борьбу крестьян за землю. Они задумывались как инстру-

мент надзора за реформаторскими порывами власти, направляющий бюрократию в русло всеобщего блага, справедливости и правды. Почему бы нам сегодня не поучиться у своей же истории? Или почему бы не вменить идеологам очередных радикальных шагов простой и неперменной обязанности нормальным человеческим языком говорить людям – дорогие сограждане, мы, государственные чиновники, депутаты, специалисты хотим сделать то-то и то-то и делаем поэтому на первом этапе то-то, а на втором станем делать то-то. Почему бы, как сейчас говорят, не задать правила игры?

Но в том-то и печаль, что задавать их невыгодно. Врубаться в новую жизнь, ковать успех и благополучие лучше без правил. Наоборот, нужно уметь решительно пойти на нарушение закона. В цене – агрессивность, нечестность по отношению к партнерам, хорошие личные связи с бюрократами, умение «кинуть», а в крайнем случае, и «заказать» партнера и конкурента, способность вырвать свое зубами. Такими чертами обладают многие из тех, кто добился крупного успеха в деловой сфере. Тот, кто играет в бизнес-игры, просто обречен играть по этим «правилам», иначе надо выходить из игры. В этой игре без правил и побеждают профессионалы игры без правил. Убийства предпринимателей и государственных чиновников, черный пиар, мошенничество – нормы поведения, приводящего к успеху в условиях наших реформ.

Поэтому игрой без правил, скорее всего, окажутся и бу-

душие реформы, в том числе земельная. Трудно предположить, что в атмосфере вседозволенности она вдруг окажется образцом нравственности, справедливости и профессионализма. Ведь финансово-промышленные группы, корпорации, олигархические кланы располагают неограниченными возможностями давления на законодательную и исполнительную власть. Продавливать нужные решения, впрочем, не так уж и трудно, ибо депутаты и государственные чиновники прежде всего руководствуются личными интересами, даже не очень маскируя махровый лоббизм пышной риторикой о народном благе. Не секрет, что подпольные латифундисты, под шумок скупающие сельскохозяйственные угодья, получают конфиденциальную информацию от самих государственных чиновников. Или от разведчиков, внедряемых в госструктуры. Практика внедрения своих людей в нужные ведомства используется уже давно. Это помогло олигархическим кланам приватизировать самые лакомые куски государственной собственности.

Печальный опыт подсказывает: сегодня любая, пусть даже теоретически безупречная, полностью здравая модель земельной реформы будет извращена коррумпированными чиновниками в пользу тех, кому они служат и кто оплачивает их услуги, а значит, государство не сможет обеспечить справедливость реформы (а она, напомним, имеет для России не просто экономический и социальный, но и высший, мировоззренческий и сакральный смысл). Не сможет хотя бы

потому, что попросту не озаботится неэкономическими проблемами. Справедливость – вне поля зрения власти. Будь иначе, непременно пришлось бы заняться пересмотром результатов приватизации. Но, как известно из многочисленных заявлений высших должностных лиц и самого президента, нам это пока не грозит.

Что или кто, в таком случае, может выступать нравственным арбитром при проведении реформ? В чьих силах не допустить очередного, на сей раз фатального ограбления народа, еще одного его беспримерного унижения? Это в силах самого общества, само гражданское общество и выступит третейским судьей, убеждают нас либералы-западники, подталкивая к новым радикальным шагам. Но есть ли в России гражданское общество? Оно формируется у нас с явным опозданием, и на то есть объективные причины. Это должны бы понимать политики, которые любят ссылаться на западные образцы. Россия всегда отличалась от Запада. События XX века, пожалуй, еще больше усугубили различия. Революция 1917 года была не только сменой политического строя, но и, казалось бы, бесповоротным отрицанием господствующей духовной традиции и традиционной морали. Однако укрепление СССР потребовало к ним вернуться. Моральный кодекс строителя коммунизма, как давно известно, во многом перекликается с ветхозаветными и новозаветными заповедями, христианская мораль была принята коммунистическим государством в качестве государствен-

ной господствующей морали. В Советском Союзе государство, в отсутствии гражданского общества, частично взяло на себя функции последнего. Однако и западные демократии отнюдь не безразличны к вопросам нравственности. Господствующая мораль поддерживается государственными институтами.

Соединенные Штаты и Западная Европа сохранили на протяжении всей своей истории уровень традиционной общественной морали как в системе законодательства, так и в деятельности основных государственных институтов. Так, США, например, является по статистике наиболее верующей страной Западного полушария, 91 процент населения здесь – верующие, из них 89 процентов – христиане. В Германии верующих 75 процентов. Наиболее «атеистическая» страна – Англия с 55 процентами верующих, но это страна, максимально сохранившая свои более чем тысячелетние традиции. В Конституции США слово «Творец» упоминается четыре раза, а президент приносит присягу на той самой Библии, которую держал в руках еще первый президент Соединенных Штатов. Эти обстоятельства многое определяют в системе западной демократии, которая для многих наших политиков является образцом для подражания. При всех издержках она представляет собой отлаженную и сбалансированную систему – ведь и ее лидеры, и рядовые граждане, и политики, и бизнесмены, и клерикалы, и интеллектуалы в большинстве являются носителями христианской культу-

ры и традиционной морали.

Неправда, что западные общества живут только по закону. Да, законодательство за века отшлифовано здесь до блеска, правовая культура глубоко укоренилась в обществе, механизм разделения властей действует безотказно. Но все это великолепие стоит на фундаменте исторической традиции. Запад живет в согласии с моральными принципами и нравственными нормами. Этого упорно не хотят замечать наши либералы-западники. Сводя дело только к технологиям, которыми действительно славен рациональный Запад, они сознательно обездушивают любую человеческую деятельность, ограничивая ее мотивы исключительно «интересом» и «выгодой», обедняют жизнь. Поэтому реформы, спланированные и проведенные бездушными, лишенными духовного стержня технологами, оказываются несправедливыми и аморальными. Поэтому реформированная технологами страна живет не по совести. А жить по закону она никогда не умела. И не в последнюю очередь потому, что у нас никогда не было справедливых законов, как не было механизмов их соблюдения. «Закон что дышло», искренне полагает русский человек. С таким правосознанием надо жить по совести. А это сейчас невозможно.

Итак, ни государство, ни общество не могут играть роль нравственного арбитра, гаранта справедливости продолжающихся реформ. И это очень тревожно, поскольку власть то и дело выступает с новыми инициативами. Свежий пример –

замена льгот денежными компенсациями, то есть, по сути, традиционных общественных, читай, человеческих связей голыми монетарными отношениями. Кто разрабатывает идеологию и программу этих бездушных «мероприятий»? Кто эти люди, берущие на себя смелость резать по живому? Мы их не знаем. Публичные политики лишь озвучивают предложения и отчитываются за продвижение социальных проектов. Те, кто в действительности их составляют, не пишут статей, не выступают с докладами, не призывают к обсуждению концепций. Вполне возможно, что проекты сочиняется где-нибудь на государственной даче бригадой безликих «технологов» точно так же, как бригадами младореформаторов сочинялись в ельцинские времена эпохальные концепции и программы.

Какими убеждениями руководствуются эти «технологи»? Существуют для них такие вещи, как моральные принципы и нравственные нормы, понятия добра, всеобщего блага? Говоря прямо, каков их духовный облик? В чем их вера? Знают ли они свою страну, свой народ? У русских отсутствуют агрессия и жесткость в бизнесе, говорил небезызвестный г-н Гусинский. А куда раньше него Николай Александрович Бердяев говорил о генетической небуржуазности России, ее «непризванности к благополучию». Простите за прямой вопрос, но читали ли анонимные «технологи» Бердяева, Франка, Ильина, Федотова, Розанова, других русских мыслителей? Знаком ли им западный взгляд на нашу страну как

на явление природы? Ведь даже такой известный недоброжелатель России, как Карл Маркс, вынужден был признать, что в избавлении от татарского ига есть нечто чудесное... Помнят ли «технологи» о том, что русский бизнес несет на себе наследственный отпечаток православной этики, в системе которой «сребролюбие есть зло»?

Скорее всего, мы не получим ответы на эти вопросы. Они звучат риторически, даже наивно. На чей-то взгляд – неприлично. Но ведь духовный облик идеологов и технологов реформ, их представления о нравственности, их интеллектуальный, культурный, профессиональный багаж – вовсе не их частное дело. Их некомпетентность и безнравственность может дорого обойтись всем нам. Чем обусловлен, например, выбор ваучерной схемы приватизации – некомпетентностью? Возможно, это профессиональная ошибка. А возможно, никакой ошибки нет – идеологи и исполнители достигли тех целей, которые перед собой ставили. Однако эти цели не имеют ничего общего с установлением более идеального порядка, отменой вопиющей несправедливости, уничтожением нестерпимого беспорядка, то есть, с целями реформы бытия, направленной на его обогащение новыми благами. В таком случае, ваучеризация – это нравственный просчет, а вся проведенная по этой схеме приватизация от начала до конца безнравственна.

Значит, неудача реформ последнего десятилетия в России во многом объясняется их бездуховностью. Нельзя допу-

стить, чтобы неудачей окончилась и земельная реформа. Поэтому при ее проведении нужно учитывать внеэкономические факторы и принимать во внимание внерыночные критерии справедливости. Хотя «внеэкономичность» и «внерыночность» этих факторов оказываются весьма относительными. Наоборот, критерии справедливости и нравственности оборачиваются в российских условиях критериями экономической эффективности. В условиях рискованного земледелия нетрудно разорить оставшиеся хозяйства, скупить земли, сконцентрировать их в руках новых латифундистов. Лучшие участки будут использоваться для сельскохозяйственного производства. На остальных – а это преобладающая часть российских земель – выгодность инвестиций будет низкой в сравнении с Европой. Без льгот, без гарантий со стороны государства ведение рыночного хозяйства на такой земле не имеет экономического смысла. Без участия и без гарантий государства никакой рынок у нас невозможен.

Государство всегда отвечало за экономическую сторону жизни народа, говоря жестче, в его обязанности всегда входило дать своим подданным хотя бы кусок хлеба, обеспечить их простое выживание. С другой стороны, государство всегда могло потребовать от народа столько труда и крови, сколько нужно было для войны, строительства или подвигов во славу власти. Эта российская особенность определяет общинный, общественный, общегосударственный характер использования ресурсов страны. Север, далекие окраины

ные земли – хранилище главных национальных богатств – приобретались всем миром (хотя и в лице отдельных богатырей) и держались всем миром (хотя и в лице наместников с их отрядами). Россия разрослась до гигантских размеров потому, что никто из пионеров не столбил участков лично для себя, не оседал на золотоносных ручьях, не собирал себе сокровищ. Нет, закрепляли земли за царем, за державой и шли дальше.

В Америке материальное благополучие человека начиналось с кола, вбитого на своем участке, где собирались земные сокровища. Не для государства, для себя по праву собственности – неотъемлемому праву свободной личности. Ее отношения с государством регулируются гражданским кодексом, законом, короче – контрактом. Вот здесь и кроется громадное различие в психологии и менталитете между Западом и Россией. Юридический дух немыслим в наших отношениях с государством, оно «по умолчанию» вправе потребовать от подданных столько труда и крови, сколько сочтет нужным.

Все российские реформы – это, увы, реформы сверху! Инициированные государством, они идут за счет выстраданной народом жажды перемен, за счет энергии порыва к лучшей жизни («так жить нельзя!»). Но каждый раз огромный потенциал на две трети, а то и на три четверти растрачивается напрасно. Выигрывают от непродолжительного, зато бурного реформаторства обычно какие-нибудь олигархи... И снова спячка, по сути, накопление энергии для следующе-

го рывка, для следующих радикальных реформ. В России все реформы – радикальные, других не бывает, а такие реформы может проводить только государство. Понятно, что его собственная роль и могущество не должны в результате реформ уменьшаться, это было бы нелепо, противоестественно.

Но это как раз и произошло! Наша могучая держава после почти двух десятилетий преобразований превратилась во второразрядную развивающуюся страну. И нынешняя второразрядность усугубляет неблагоприятные тенденции и подрывает стратегическую перспективу, поскольку доказано, что уровень жизни в России прямо зависит от мощи государства (хотя радикалы и утверждали обратное, виня его в ограблении населения.) Раздарив территории олигархическим кланам, распродав сельскохозяйственные угодья новоявленным земельным магнатам, российское государство не станет сильнее. Наоборот – еще слабее. Более того, оно перестанет быть самим собой. Можно ли вообразить себе раздробленную на удельные княжества Россию с народом, озабоченным маленьким личным счастьем? Пусть эти княжества будут благополучней Швейцарии, неважно. У страны, покрывающей безмерные пространства, иная судьба, иной путь. Маленьких счастливых княжеств на месте России не будет. Этот вариант не осуществится.

Реформы должны не ослаблять, а усиливать государство. А для этого им надобно стать реформами «по совести», проникнуться духом вечных идеалов справедливости и добра.

Она должны явиться не реформами хозяйственных отношений, а реформами жизни, повышающими уровень народного бытия, обогащающими его новыми благами. Реформами, возвращающими народу украденное достоинство. **Без достоинства мы вряд ли сможем поднять Россию, сделать ее страной с привлекательным настоящим, а не только со славным прошлым и счастливым будущим.**

Реформы в потёмках

Но что такое эти новые блага? Чем следует обогатить уровень народного бытия? Какие реформы возвратят народу достоинство? Бог весть... Потому что на самом деле мы этого не знаем.

Нам ведь искренне думалось: вот приедет рынок, рынок нас рассудит. Мы ведь простодушно полагали его целью, а он оказался лишь средством, может быть, и лекарственным, однако отягощенным мощным шлейфом побочных эффектов.

Нам мыслилось – только дайте свободу, и уж мы...

А вырванная у номенклатуры воля обернулась вольницей, вседозволенностью, простором для грабежа и разора. Представлялось, что кровожаднее, поганее советского квазисоциализма ничего нет, а теперь понятно – российский капитализм еще более мерзок.

Так чего же мы хотим, кляня бандитский рынок – возврата к социализму, при том, что был он никакой не «квази», а самый, что ни на есть, настоящий? Хотим жить в великом и могучем Советском Союзе, состоять в КПСС, покорно поднимать руки на партсобраниях и строить светлое будущее, которое никто из нас не увидит?.. Или, может, мы хотим так называемого простого человеческого покоя и довольства, так называемого нормального человеческого житья? Но полноте, товарищи-господа! Не надо себя обма-

нывать: маленьких счастливых княжеств на месте России не будет... У страны, покрывающей безмерные пространства, иная судьба, иной путь. Мы исполнены духом мессианства, мы чувствуем себя обязанными спасти человечество или, хотя бы, погрязшую в материализме и бездуховности Европу... не умея спасти самих себя, не ведая, какую жизнь построить в своей собственной стране, какие реформы повысят уровень народного бытия и обогатят его новыми благами. Да и что будет для нас благом? Достигнем ли мы его в результате правильно проведенной земельной реформы или, наоборот, придем к нему, отказавшись от попыток так или иначе решить извечный больной российский вопрос? Иными словами, актуальна для страны земельная реформа или нет?.. Ответ прост. Удручающе прост. Это все тот же ответ: не знаем.

Значит, российские реформы неудачны не только потому, что безнравственны. Значит, называя главной причиной ошибок аморальность, бездуховность, мы не можем утверждать это с полной уверенностью, ибо не располагаем никакими объективными данными, позволяющими оценить степень важности причин и расставить их по «рейтингу отрицательного влияния». Сколь серьезно, скажем, повлияла на провалы некомпетентность идеологов и разработчиков (не злонамеренность, а именно непрофессионализм)? Сыграла ли она более негативную роль, чем иждивенческие настроения большей части населения, привыкшего к тоталь-

ной опеке государства? Действительно ли сопротивление со стороны партийно-советской номенклатуры оказалось более серьезным тормозом, чем помехи со стороны Запада, отнюдь не заинтересованного в подлинном успехе наших преобразований? А в том, что помехи были, сомневаться не приходится.

Комиссия по экономической реформе времен Горбачева-Рыжкова, в которую вошли лучшие советские специалисты, предлагала самые разные варианты перехода к рынку (видимо, потому, что единственно верный был «корифеям» неведом), сам Рыжков много раз ездил в Швецию, присматривался к тамошней модели «справедливой экономики», но так и не решился сдвинуться с места (видимо, потому, что, говоря без обиняков, не знал, чего хотел). Не имели выверенного плана преобразований и «ельцинские завлабы», однако решительности и амбиций им было не занимать: выбросив на свалку все наработки Комиссии, она рванули с места в карьер, подчиняясь сладким голосам из-за бугра. Модель ваучерной приватизации была принята «младореформаторами» не без настойчивых подсказок с Запада, хотя там сей вариант всегда рассматривался как чисто теоретический. Россия отважно применила его на практике, в очередной раз поставив убийственный эксперимент на себе.

Роль Запада в неудаче российских реформ, что и говорить, велика. Но насколько?.. Насколько зависит судьба России от внешних и даже планетарных факторов? От внутрен-

них? От исторических обстоятельств и повседневных обстоятельств жизни, существовавших на протяжении веков и существующих поныне? От родовых свойств российского социума – и позитивных и, особенно, негативных? От особенностей национального ума и характера – тех, например, что проявляются в экстремальных ситуациях, когда, простой деревенский парень жертвует жизнью в Чечне, прикрывая товарищей, и тех, что превращают в каторгу нашу обыденность?.. (Не исключено, кстати, что некоторые генетические черты окажутся весьма неприятными и уязвят национальное самолюбие – допустим, обнаружится, что пьянство не такой извинительный недостаток, а мощный тормоз социальной эволюции.) Не выяснив этого, не поняв истинных причин конфликтов и ошибок, мы так и будем брести в потемках, спотыкаясь об обломки несостоявшихся реформ.

На незнание своей страны... а в нем можно упрекнуть не только безликих «технологов», сочиняющих лихие проекты на госдачах, но и, в какой-то мере, каждого из нас – ведь точным знанием не владеет никто... накладывается непонимание стоящих перед страной проблем. Подлинных, жгучих, а не тех, что кажутся привлекательными власти и обслуживающим ее «командам». Неэффективность экономики – это, кто спорит, проблема. Решить ее попытались с помощью радикальной либерализации... при фактически нулевом уровне правосознания, в отсутствии законов, сдерживающих аппетиты рыночных хищников, без естественных

тормозов в виде деловой порядочности. В результате либерализация, как уже говорилось, обернулась повальным воровством на всех этажах, во всех слоях общества. Воровали министры, генералы, олигархи, чиновники, лавочники и обыкновенные граждане, до того полагавшие себя честными и законопослушными членами общества. Эффективности экономике это отнюдь не прибавило. Ее теневой сектор распух до чудовищных размеров. Плата за непонимание истинных проблем страны оказалась чудовищной. Главная проблема была выбрана неверно. Настоящая беда – в рабском сознании и рабских мироотношениях, заменяющих как жизнь по закону, так и жизнь по совести, а вовсе не в низкой эффективности производства и торговли – это только следствие.

Часто непонимание выступает в красивой «духоподъемной» упаковке. Вот добрый патриотический миф о неисчислимости природных богатств в российских недрах. Но правдивые цифры говорят, что по разведанным и потенциальным запасам полезных ископаемых Россия занимает лишь четвертое место в мире, а по запасам в расчете на душу населения – даже восьмое. Что должна делать в такой ситуации сырьевая страна? Всячески укреплять и развивать геологию, которая, слава Богу, не до конца развалена и до сих пор – честь ей и хвала! – входит в лидирующую мировую тройку. Геология – дело чрезвычайно дорогостоящее, но тратиться не нее придется, другого пути нет. Поэтому государство, за-

боятся о собственном сохранении и выживании подданных, просто обязано заставить те же нефтяные корпорации, жиреющие на опустошении разведанных и обустроенных государством месторождений, отстегивать деньги на геологию. Одновременно государство должно шаг за шагом, зарабатывая на разумном экспорте нефти и нефтепродуктов, развивать высокие технологии и наукоемкие производства, поддерживать наукограды – потенциальные точки роста качественно иной экономики. Что мы видим вместо этого? Издевательский рост внутренних цен на бензин и новую высокую волну оттока за рубеж нефтедолларов.

Подобное возможно лишь в псевдогосударстве, при псевдodemократии, обслуживаемой псевдопарламентом, в условиях псевдосвободы, в том числе псевдосвободы слова, и псевдорынка. За годы реформ в потемках Россия превратилась в уродливую карикатуру, пародию на Запад. И подумать было нельзя, что страна и народ настолько артистичны. Даже те, кто, казалось бы, просто тупо выживают, все-таки участвуют в спектакле, который Россия разыгрывает перед собой и перед всем миром.

Ярким актером был один из ельцинских премьеров Черномырдин. Он же иногда выступал в роли «театрального критика!». Самая знаменитая его рецензия укладывается в формулу «хотели как лучше, а получилось как всегда». Почему же вновь вышло плохо? Потому, что делали не так? Да, потому что, как всегда, воровали и прочее. Но не только.

Главное — делали не то, потому что не того хотели. Ставили перед правительством не настоящие цели, а псевдоцели, потому что второстепенные, третьестепенные, а то и совершенно ложные проблемы принимали за актуальные проблемы страны.

Такой абсолютно ложной проблемой и, следовательно, ложной целью было, например, уничтожение сложившейся системы управления страной под лозунгом «департизации» и «десоветизации» — это означало обрыв связей, а обрыв связей приводит к обеднению бытия, его примитивизации, тогда как подлинные реформы призваны обогащать его новыми благами.

Правильно поставленные цели всегда согласованы с потоком реальности. И их, что чрезвычайно важно, не может быть много. Наоборот, их должно быть немного. Поток реальности, как показывают исследования постсовременной, или интегральной науки, на две трети не зависит — причем, абсолютно, категорически! — от деятельности человечества: от идеологических доктрин, организации экономики, личностных качеств президентов даже великих держав, составов кабинетов министров и всего того, что кажется нам ужасно важным, но на самом деле ничтожно в сравнении с мощью космических сил. Влиять можно лишь на треть этого потока, и то при условии, что не идешь поперек течения жизни. Поэтому коридор, в котором разворачиваются реформы, достаточно узок. Поэтому вероятность ошибок, вызванных незна-

нием и непониманием, гораздо выше, чем может показаться. Поэтому, начиная любые преобразования в России, необходимо выяснить очень многое.

Во-первых, необходимо получить точные базовые данные по стране. К ним относятся, например, показатели численности населения, его возрастного и национального состава, его здоровья, числа алкоголиков и наркоманов; экономические показатели – уровни благополучия, бедности, средний уровень, долларовый эквивалент денежной массы на руках у населения, размер утечки капитала в целом и по годам; социально-экономические параметры – уровень коррупции, уровень преступности, уровень криминализации власти, число криминальных организаций; социально-политические характеристики – число сторонников открытого общества, коммунизма, монархии, идеи особого пути России и многие-многие другие.

Во-вторых, не обойтись без гораздо более тонкой, но столь же достоверной информации о качестве жизни, природе и характере негативных факторов, действовавших в истории России, о доле и соотношении внутренних, внешних и планетарных факторов, влиявших на ее судьбу, и многих других, на первых взгляд, неочевидных, но, тем не менее, вполне ощутимых, конкретных вещах. Причем, эту информацию тоже следует представить в точных цифрах.

В третьих, надо изучит, проанализировать и обобщить разнообразные модели предполагаемой реформы – скажем,

той же земельной, реформы жилищно-коммунальной сферы или избирательной системы. Общие точки, точки пересечения моделей, скорее всего, укажут на действительно насущные задачи, на ту область, где реформы могут привести к успеху, иными словами, на то, чего и в самом деле стоит хотеть.

В четвертых, придется заняться вещами и обстоятельствами, которые мы, возможно, и не хотим, однако попросту обязаны учесть. О них обычно не имеют никакого представления «политтехнологи» и их заказчики во власти, но тем хуже для них... вернее, для всех нас, для страны.

В одном из интервью лидер компартии Зюганов назвал события конца XX века в России удивительными, почти мистическими: страну вдруг, ни с того, ни с сего охватил «либеральный пожар», принесший неисчислимые бедствия народу. Между тем, никакой мистики тут нет и в помине. Дело в объективных природных ритмах: одни циклы закончились или заканчиваются, другие начались или начинаются, только и всего. Смену эпох можно было предвидеть, к ней можно было подготовиться, постараться смягчить удар... У нас он был не смягчен, а усилен – по незнанию, метафизической непросвещенности и придворному академическому высокомерию.

Итак, составляя реалистичную программу реальных реформ, придется начинать с самого «верха», с плана идей – с миссии России. Она несомненно существует, но в чем она

состоит? На сей счет есть разные догадки. Даниил Андреев, например, полагал, что планетарной задачей России является создание интеркультуры, объединение всех ныне существующих на земном шаре культур. На это намекает география – недаром же Россия заполняет «полое пространство» между ними. Ради исполнения этой миссии и приобретались земли за Уралом и Югрой, на Енисее, Лене, Амуре. Громадные пространственные резервы Сибири, Севера, дальнего Востока были стратегическим резервом на будущее.

Но география – это не только геополитическое положение страны, это еще и ландшафт, а с ним, по мысли создателя теории этногенеза Льва Гумилева, неразрывно связан способ жизни этноса, его родовые черты. Мы, россияне, как определил Владимир Ключевский, народ лесной, речной, равнинный, и оттого у нас свой тип социальной эволюции, иной, нежели у горных, морских, степных народов.

У каждого народа свои родовые черты. Наши – соборность сознания, общинность, коллективизм. Нам свойственны государственность на грани державности, а то и имперскости. Мы социоцентричны. Даже по одной этой причине Россия не может слепо перенимать модели, приспособленные к психологии, менталитету и потребностям личностно ориентированных народов и обществ. В том числе – схемы перехода к либеральной, инициативной экономике. План Маршалла был хорош для Германии. Но «что немцу хорошо, то русскому смерть».

Все эти изыскания позволят понять, в каком обществе мы хотим жить, какие черты оно будет иметь помимо, сверх или даже вопреки нашим желаниям и сформулировать социальный заказ на его построение, то есть, говоря привычным языком, выработать программу принципиально осуществимых реформ.

Что и говорить, задача чрезвычайно сложная, но она и не может быть простой, «раз-два взяли» здесь не получится. И эту чрезвычайно трудоемкую задачу вряд ли удастся решить на энтузиазме. Она по силам только лучшим умам страны, собранным для мозговой атаки и вооруженным эффективными исследовательскими технологиями нового поколения, позволяющими выражать количественно, в цифрах чисто качественные характеристики.

Информационные технологии, измеряющие качественные характеристики процессов и явлений в относительных числах или процентах, существуют. Они умеет то, чего не умели раньше: измерять количество качества. Благодаря этому удастся сравнить, казалось бы, несравнимые вещи. Ну, например... уровни оптимизма и пессимизма в разных странах,

Мало того, что это, согласитесь, чрезвычайно любопытно, это, просто-напросто, информация огромной государственной важности. Ведь эти уровни характеризуют социально-психологические ресурсы государства. Есть в народе оптимизм – воплощаются предначертания, выполняются

планы, строятся города, цветут сады, враги получают достойный отпор, растет рождаемость и падает смертность.

Возьмем, например Индию. Исследования показали, что ее народу одновременно свойствен огромный оптимизм (91 процент) и немалый пессимизм (46 процентов). В европейском представлении это невозможно или, по крайней мере, нелогично и странно. Но, видимо, оценивать индийскую цивилизацию нужно не по рациональным европейским стандартам, а по ее собственным меркам, поскольку мировосприятие и мироощущение зависят от особенностей национальной психологии, национального характера, менталитета и исторической памяти народа.

Вполне благополучные Италия и Германия характеризуются высоким уровнем пессимизма, зато менее благополучная Греция куда более оптимистична. Цифры по Великобритании, Бельгии, Дании, Нидерландам, Франции, Швейцарии, США, Испании еще раз подтверждают репутацию этих стран как процветающих. Лидирует здесь Австралия с идеальными показателями: оптимизм – на максимальной отметке, пессимизм – на минимальной.

Ну а Россия? Повода для массового оптимизма у нас вроде бы и нет, но неужели мы стали страной повального пессимизма?.. Какие настроения более характерны для России – жизнеутверждающие или пораженческие? Давайте посмотрим. Показатель пессимизма в России равен 37 процентам, оптимизма – 66 процентам. (Принципиально важно, что ис-

следование показывает не число оптимистов и пессимистов на сотню жителей, а уровень качеств. Поэтому сумма может быть и больше, и меньше 100 процентов.)

Что значат эти числа? То, что российские параметры близки к критическим. Если уровень оптимизма в какой-то стране не ниже 93 процентов, то есть вписывается в так называемое «созидательное поле», то настрой населения можно считать важнейшим ресурсом развития страны. «Негативное поле» занимает диапазон от 85 до 61 процента. Если показатель оптимизма попадает сюда, все идет не так, как хочется, как планируется. В этих странах трудно жить и работать – как в России. Что же касается пессимизма, то при его уровне выше 38 процентов нация фактически парализована. С национальным пессимизмом меньше 37 процентов можно как-то действовать. Как и действуют у нас в России...

Мы буквально балансируем на грани: еще немного, и оптимизм опустится ниже критической черты; еще немного, и пессимизм превысит допустимую отметку. Чтобы этого не произошло, России как воздух нужны успешные, удачные реформы, причем обязательно нравственные, «по совести» возвращающие народу достоинство. А чтобы они оказались именно такими, планировать и проводить их надо не «в потемках», а на свету, с открытыми глазами, не боясь правды о состоянии страны и ее месте в мире.

Говорить правду легко и приятно, полагал один из булгаковских героев. Отнюдь... Но нам в России знать правду

необходимо. И потому придется до лучших времен забыть об уязвленной гордости. Возможно, придется обидеть «цивилизованный мир» с его диктатом «общечеловеческих ценностей», в действительности же – ценностей так называемого «золотого миллиарда», к которому российские граждане не принадлежат и вряд ли будут принадлежать... Кто же скажет нам правду? Это могут сделать держатели новейших информационных технологий – независимые международные научные центры. Они уже предлагали России свои услуги, вернее, партнерство. Вот приглашение к переговорам, в которых зарубежные ученые надеялись достичь «личного взаимопонимания с интеллектуалами влиятельных кругов, отличающимися широтой взгляда и вниманием к новациям, а также отсутствием конкурентного недоброжелательства». На их взгляд, целью переговоров было: изложение возможностей новейших открытий и технологий последних поколений; желание открыть доступ для России к исследованиям для некоторых международных организаций; возможное сотрудничество в исследованиях сложных проблем, актуальных для демократии в России...

Весьма заманчивое приглашение подкреплялось щедрым авансом. Несколько лет назад один из международных исследовательских центров провел инициативное исследование под кодовым названием «Базисные данные (базисные факты) по России».

Данные, полученные с помощью сверхновых технологий,

заметно отличались от данных официальной статистики. Согласно исследованиям интернационального коллектива независимых ученых, население России составляло 162, 4 миллиона человек при числе граждан 146,7 миллиона. Разница в 15,1 миллиона человек – без малого население Голландии – приходилась на вынужденных переселенцев, беженцев, иностранцев и многочисленных неучтенных статистикой и милицией жителей и гостей страны, которые, нигде не числясь, тем не менее, активно потребляли, имели на руках рубли и доллары и заметно влияли на социально-экономическую ситуацию. На уровне благополучия, который превышал тогда 510 долларов в месяц на человека, пребывало всего 3,5 процента населения, на среднем уровне (около 116 долларов) – 16,5 процента, остальные 80 процентов с 40 и ниже долларами на душу в месяц относились к бедным. Население прятало в чулках 61 миллиард наличных долларов. Криминальная миграция валюты с 1991 по 1998 годы вымыла из страны 293 миллиарда (эта цифра позднее подтверждена МВФ).

Еще одно исследование шесть лет тому назад преподнесло большой сюрприз самим исследователям: вычисляя истинные рейтинги претендентов на президентский пост в России, они столкнулись с «феноменом неизвестного лидера». Виртуальный кандидат, не имевший фамилии и фигуры, занимал вторую строчку в списке, опережая записных участников гонки – Явлинского, Лебеда, Лужкова и Зюганова. Нез-

вестного лидера породили ожидания «молчаливого большинства», то есть тех 73 процентов населения России, которое разочаровалось в известных политиках и надеялось на появление новых людей. Эти ожидания были, очевидно, так сильны, что делали гипотетического претендента фигурой почти реальной. В конце концов она материализовалась. Неизвестный лидер обрел имя: Владимир Путин.

То, что поначалу показалось «сюрпризом», в действительности было точным прогнозом на будущее. Так что было бы верхом неблагоразумия не воспользоваться фантастическими возможностями, особенно когда нас прямо приглашают к сотрудничеству. Российская власть ими не воспользовалась. Ни официальные лица, ни «интеллектуалы влиятельных кругов» не ответили независимым исследователям ни слова, их предложений вообще не заметили. В России не нашлось лидеров, «отличающихся широтой взгляда, вниманием к новациям, а также отсутствием конкурентного недоброжелательства». Разве нам не нужна достоверная информация о состоянии страны? Фундаментальное исследование «Россия: проблема свобод и демократического сознания» осталось неоконченным.

С тех пор держатели технологий последних поколений не предлагают России сотрудничества. Некому, оказывается, предлагать. К тому же у них нет уверенности, что здесь всерьез воспримут результаты необычных исследований и станут выполнять рекомендации. Они испытывают

вполне обоснованные сомнения насчет постановки действительно актуальных задач, ибо, на беспристрастный взгляд из-за рубежа, уровень понимания проблем страны явно недостаточен даже в верхних эшелонах власти и катастрофически низок у большинства остальных ее представителей.

Так кто же скажет нам правду? Быть может, мы сделаем это сами, собрав в кулак интеллект нации и укрепив ее дух? Иначе нам никогда не выбраться из ямы, в которой мы сидим вот уже почти два десятилетия реформ и сотни лет своей истории. Горькие истины вряд ли сделают нас счастливыми. И все же жизнь с открытыми глазами – это, согласитесь, гораздо более осмысленная и плодотворная жизнь, нежели игра в жмурки.

2001—2004

Собирание умов

Пристанище на Дербеневской

С тех пор, как древний мудрец решил, что Земля стоит на трех слонах, человечество перепробовало много моделей реальности и языков ее описания. История знания являет собой смену «портретов» Вселенной, иначе, парадигм. Переход к новой парадигме всегда требовал огромного напряжения духа и мысли, всегда был гигантским прорывом. Такой прорыв совершается сегодня. Лучшего времени для него не придумаешь: на дворе – стык веков, тысячелетий и эпох. Бесстрашная мысль уходит в дальнюю разведку и возвращается со знанием, которое могут понять, оценить и сопоставить с уже известными идеями и фактами лишь несколько человек на планете. В их числе – Владимир Николаевич Лисин.

Его знаменитый семинар «Интеллектон», работающий нынче на Дербеневской набережной, известен всем философам, ученым и интеллектуалам Москвы. Еще бы! У семинара – редчайшая специальность: «синтез моделей мироздания с учетом феномена человека». У самого Лисина тоже редчайшая профессия. Владимир Николаевич уже 35 лет изучает философские, научные, религиозные и эзотерические

картины мира. Вернее, разбирает их «по косточкам», сопоставляет, ищет точки пересечения и строит обобщенную модель — «теорию всего». Стык веков, тысячелетий и эпох — лучшее для этого время. Мы стремимся к единому знанию, начинаем мыслить в другом стиле, сознавать себя частью мироздания, структурным элементом реальности, полагает Лисин. Наступила пора синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания, науки и эзотерики, философии и религии, создания целостной науки о мире, которая с единых позиций опишет развитие иерархичных многослойных систем, расшифрует строение материи. Универсальная парадигма должна быть не физической или философской, информационной или энергетической, а парадигмой единой науки, всеобъемлющего знания.

Греческим словом «парадигма» классик науковедения Томас Кун назвал некоторую общепринятую концепцию, систему убеждений, ценностей, исследовательских методов, разделяемых членами данного научного сообщества на определенном этапе истории. Но сегодня наука, будучи не в состоянии объяснить мир своими средствами, объединяется с религией, философией и эзотерикой. Создается не просто «теория всего», не просто система науки, а система жизни, система бытия.

Именно такую систему ищут на Дербеневской в небольшом зальчике с колченогими столами и драными стульями. Помещение на первом этаже престижного дома принадле-

жит Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры, что, видимо, и спасает его от посягательств новых хозяев жизни, много раз пытавшихся прогнать интеллектуалов и сделать из запущенной норы еще один сверкающий магазин или офис. Нора содержится на средства отчасти Общества, отчасти самих семинаристов, бросающих в «общак» по тридцатке, а кто не может, и по двадцатке (ну, а совсем неимущих, понятно, прощают). Мебель и интерьеры никого не волнует. Выступить у Лисина почитают за честь. И выступают: творцы новых концепций и теорий, заслуженные профессора и доморожденные философы, «секретные» инженеры и изобретатели-«самоделкины», целители и врачи. Через Дербеневскую прошли многие из подлинных носителей интеллекта нации, ярчайших представителей русского ума. Здесь его пристанище. Здесь он дома. Здесь ему хорошо.

А хорошо ему не везде.

Интеллект – модернизация – развитие

Не слишком хорошо ему и в фешенебельном московском «Президент—отеле» – его аура благоприятствует бизнесу и политике, а не углубленным размышлениям, но именно здесь, на Якиманке, тоскливым осенним днем говорилось об интеллекте России. Он стал предметом внимания участников «круглого стола», организованного президиумом Российской Академии естественных наук. Русский ум, а не нефть или газ был назван главным богатством страны. И произнес эти слова не кто-то, а председатель Совета Федерации Сергей Миронов, третье лицо в государстве. И, к тому же, произнес в связи с национальной идеей, которую, как известно, никак не найдет Россия.

Из вступительной речи Миронова следовало, что такой идеей может стать утверждение власти разума в противовес власти денег, что общество созревает для перехода в новое качество – «общество знания», страна готовится к выдвижению в лидеры мировой экономики знаний, а посему инвестиции должно направлять не в добывающие отрасли, а в человеческий капитал. Новая – инновационная – экономика требует нового – духовного – человека. Над его воспитанием предстоит потрудиться российской интеллектуальной элите. Интеллектуалы, занятые в науке, литературе, искусстве, средствах массовой информации должны объединиться под

знаменем Национального комитета «Интеллектуальные ресурсы России».

Ради презентации, лучше сказать, освящения Комитета, собственно, и собирався «круглый стол». А также ради представления сопредседателей – третьего номера во власти страны Сергея Миронова и президента РАЕН Олега Кузнецова, озвучившего слоган «Интеллект – модернизация – развитие» и разъяснившего, для чего России «модернизация» и куда должно быть направлено «развитие».

Преобразования, согласно Кузнецову (и тем силам, от имени и по поручению которых он выступал), необходимы для того, чтобы обеспечить движение страны к инновационному обществу, примером которого является американское, от сырьевого, типичным образцом которого служит современное российское. Мы можем, конечно, пойти и в сторону технологического общества (пример – Япония), что, вроде бы, легче, и даже аграрно-туристического (Италия), хотя для северной страны это трудно. Вопрос в том, чего мы хотим.

Почему это Россия не проживет без фундаментальной науки? – задал простой вопрос один из бывших вице-премьеров российского правительства ученым, утверждавшим, что, ну, никак не проживет. Живут же без нее и Германия, и Япония (общества технологического типа) и живут, как известно, неплохо... Так что простые вопросы в действительности самые неудобные.

Ответ тоже прост и тоже неудобен. Доходов от экспорта газа, нефти, металла, леса, минеральных удобрений хватит, чтобы обеспечить приличную жизнь 30—50 миллионам граждан страны, потому что, как ни печально, сырьевые богатства России вовсе не несметны. За счет чего могут достойно существовать остальные 100 миллионов человек? За счет транспортной ренты, как Египет или Панама? Исключено. За счет туризма, как Таиланд или Андорра? Смешно. Или, может быть, нам надо наводнить мир ширпотребом, как Китай? Но китайские товары заведомо дешевле, конкурентные преимущества на их стороне. Значит, остаются технологии. В высоких технологиях – будущее России. А их не создашь без науки, без знания.

Вывод: Россия объективно стоит перед необходимостью очередной модернизации. Это научно-технологическая модернизация. Ее движущей силой должен стать интеллект. Сейчас, по данным Олега Кузнецова, его доля в национальном богатстве оценивается в 5 процентов, ничтожных на фоне 83 процентов сырьевой составляющей. В инновационном обществе доля интеллекта на порядок выше. Поэтому от инновационной экономики, от общества знания нас сейчас отделяет пропасть. Но, как это ни парадоксально, еще большая пропасть разверзлась между сырьевым российским и технологическим обществом японского или немецкого типа. Расчеты показывают, что, вложив 10 триллионов рублей в развитие технологий, мы снова отстанем от мировых лидеров

на полвека. Стало быть, надо сосредоточиться не на технологиях как таковых, а на производстве знания, которое уже и создает технологии. Любые. В любом количестве. Для всего и для всего остального мира.

Из беседы (по горячим следам) с президентом РАЕН Олегом Кузнецовым и членом РАЕН, науковедом, философом Анатолием Ракитовым.

– Итак, способна ли Россия стать мировым лидером в производстве знаний?

О. Кузнецов. По своему интеллектуальному потенциалу, по качеству национального интеллекта – да. Может быть, и новую экономику, которую нам предстоит построить, следует назвать даже не инновационной, а экономикой знаний, и даже не собственно экономикой, а особой деятельностью по производству знаний... Но пока, как известно, страна находится в глубоком системном кризисе, во многом потому, что интеллект очень слабо используется. На отдельных направлениях у руля государственного корабля стоят двоечники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.